

РАЗГОВОРЫ ВО СНЕ

*Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...*

А. Пушкин

*Русская философия вообще помешана на "смысле":
Соловьев – "Смысл любви";
Франк – "Смысл жизни";
Флоренский – "Смысл идеализма";
Бердяев – "Смысл истории"; "Смысл творчества"...
И т.д. и т.п.*

На западе царствовал не смысл, а долг. Запад в романе Гессе докатился до игры "со всеми смыслами и ценностями человеческой культуры", которые для наглядности символизировались разноцветными стекляшками. Игра стеклянных бус. Касталия. Заумные труды Готлиба Фреге. Европейский баשמачник, каменщик, стряпчий твердо знали, что они должны встать до рассвета и добросовестно трудиться, а смысл здесь ни при чем. Долг есть базис, а смысл болтается где-то в необязательной надстройке.

Русскому чужда "протестантская этика". Русский не может начать никакой работы по-настоящему, покуда не уяснит ее смысла. Пока не уяснит – это не работа, а каторга. А как уяснит – это уже не работа, а сплошной подвиг во имя Смысла. Так что русский вообще никогда не работает. Как, впрочем, и не живет. А так. Все смысл ищет.

Поиски смысла в русской культуре – беспорное алиби. Ищешь смысл жизни – имеешь право не работать, висеть на чужой шее хоть до шестидесяти, пить беспробудно... Вечный студент. Русский язык ухитрился придать сурово-готическому слову "смысл" ласковый оттенок. Смышленный...

И только советская власть прекратила и эти безобразия, загнала смыслопроходцев в катакомбы "методологии" и "теории систем". Русский смысл облакался в европейские одежды. Тут и Фреге пошел в дело.

К юго-востоку от евразийской равнины смысл мнился наваждением, майей. Считалось, что дух, рождающий все новые концепции, нуждается в универсальной контрацепции. Не вносить смысл в постылую жизнь, а вынести себя, как драгоценный сосуд, из этой жизни,

укрыться от ее бессмысленных тягот в нирване. Долой узы понятийного мышления! От скованной позы роденовского мыслителя – к избавительной позе лотоса. Не мыслить! – то есть не осмысливать.

Струйки ориентального смыслового нигилизма просачивались под дверь Третьего Рима через византийский исихазм, в отголосках учения суфиев и рассказах последователей Афанасия Никитина. В междуречье Волги и Днепра, в стране странников, Витгенштейн повстречался с Григорием Паламой.

Повстречались два отрицания. Встретились – и что же? Что из этого могло получиться?

Русский смысл – глобальный, космический, открытый всем народам, как федоровское Общее Дело. И теплый, домашний, сокровенный под Опавшими листьями Розанова. Он – нравственный, не к разуму более взывающий, а к совести. И он распрекрасный, ибо в спасении мира – смысл Красоты. Эсхатологический – и требующий немедленного, земного воплощения. Невыразимый. Короче, такого не бывает и быть не может. Нет никакого русского "смысла". Нету.

Вот и в этой работе, – судя по ее происхождению, строю, по духу, наконец – нет абсолютно ничего русского. И никакого смысла.

Как и во всей русской культуре.

Кроме короткого словечка – Смысл.

* * *

Научность того или иного текста заключается вовсе не в степени строгости логических обоснований некоторой новой истины. Они лишь внешне отличают научные статьи от пророческих и духовидческих писаний, где сразу предъявляется готовая истина в том виде, как она была получена путем трансцендентальной апперцепции, откровения свыше, интуитивных озарений и т.п. Все равно интуитивные догадки и откровения исследователей прячутся в аксиомах формальных теорий и в посылках логических доказательств; более того, они-то и составляют самую соль работы, ту крупницу истины, ради которой научные тексты пишутся и читаются. Если же этой иррациональной, боговдохновенной крупницы нет – текст пуст и тавтологичен.

Наука – это попытка выражения, овеществления личных интуиций и откровений, рождающихся как "вещь в себе", в материале общезначимых понятий; цель этой попытки – помочь различным участникам совместной деятельности сопоставить в каком-то едином пространстве индивидуальные картины мира и выделить, объективировать их общезначимое ядро. Понятийные схемы, социальные познавательные стереотипы выполняют функцию разменных монет, орудий такого сопоставления. При этом цепочкам логических доказательств отводится служебная роль мостов или дамб, соединяющих новооткрывшиеся островки истины с одним из искусственных материков формализованного знания. Наука – социальный феномен, общественная форма присвоения новых идей.

Идея, лежащая в основе настоящей работы, в своем естестве невыразима в понятиях...

* * *

Существует три ортогональных, самодостаточных абстракции человеческой истории. По Шардену-Вернадскому – история есть естественно-исторический процесс, подчиненный неким объективным "законам", продолжение механизма природной эволюции, только уже с трудящимися вместо динозавров. По Марксу – "История есть не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека", т.е. одна из версий пансоциологизма, где все на свете выводится из "клеточки" типа "товар", "власть" или "деятельность". И по Блаженному Августину – история как небесный промысл, Град Божий, некое действие, разыгрываемое на Земле по

сценарию, написанному на небесах, и руководимое Режиссером, чьи творческие пути неисповедимы.

Но эти три модели вполне совместимы, более того, нуждаются друг в друге. Если составить из них вектор, то история предстанет как цепочка сознательных выборов человека, который, осуществляя свою свободу, с одной стороны, упирался на каждом этапе деятельности в противодействие стихийного, естественно-природного материала, а с другой – получал подкрепление свыше через Божественную благодать или же творческое вдохновение идеалами Истины, Блага и Прекрасного.

История движется, потому что движется ее материал, природа.

История развивается, потому что развивается ее смысл, идея.

Но история делается, сама по себе она есть не что иное как деятельность. Тут старина Маркс был прав.

Человеческая деятельность вращается в своем кругу. Она не заключает в себе ни своей причины, ни своего смысла. Я сучу дратву, ибо я умею это делать, ибо так поступал еще мой дед; рассвет застал меня уже сучащим. Жить, чтобы жить.

Но это не природа. Пчелы рождаются с умением делать мед. Но человек не рождается сапожником. Форма деятельности первоначально пребывает вне его и лишь затем вовлекает его в себя. Форма эта ему не прирождена, не природна. Еще не истлели кости инноватора, который сотворил, придумал сапожную "ногу".

Природа движется себе и движется. Время течет из будущего в прошлое. Земля катится по своей орбите, не замечая, как мы на ней копошимся. Толчки и содрогания природы вбрасывают все новый материал в круговорот форм деятельности.

Но "пассионарии" – еще не творцы. Творцы одержимы демонами, ибо демоны – это идеи, которые одерживают победу (и которых, как писал Маркс в молодости, "можно победить, только подчинившись им"). Именно идеи-демоны, а не сами творцы, упорядочены по ступенькам небесной "лестницы".

* * *

Человек стоит на вершине колоссальной пирамиды форм движения, уровней сложности материи. Но эта пирамида в линзе человеческого хрусталика переворачивается, превращается в пирамидальную бездну. И со дна ее, из глубины взывает человек к своему Господу в "песне восхождения"¹. Природа отчуждает человека от Бога, выступает гегелевским ветхозаветным *отчуждением*. Она воспринимается как иерархия форм порабощения чуждыми природными силами, степеней человеческой несвободы. При этом ближайшими, наиболее очевидными формами несвободы оказываются высшие формы движения, непосредственно предшествующие человеку на "эволюционной" лестнице.

Популяционно-видовой пласт форм движения первым предстает перед ним как царство *социальной несвободы*, общественных форм закрепощения человека. Человек здесь – всего лишь разменная монета истории, особь в людском стаде: живая сила на охоте и возведении пирамид; подневольный участник ритуальных плясок и исполнитель чуждых ролей человеческой трагикомедии; шаблонный ум, обреченный воспринимать других и выражать себя через социальные стереотипы "понятий".

Царство *экзистенциальной несвободы* образуют онтогенетические формы движения. Человека несет безжалостный поток, который выплескивается на свет гейзером рождения и втягивается холодной воронкой смерти. Тело гнетет его отчужденной физиологией своих отправления, архаикой рефлексов, фантомными болями в отнятых конечностях. Он терзается безотчетными страхами и предчувствиями, испытывает неконтролируемые эмоциональные взлеты и спады, в моменты решающих испытаний его внезапно может оставить воля. Его мучают прорывы и провалы памяти, посещают нежданные откровения, пугают вещие сны.

Мир отчуждения венчает царство *космической несвободы*, образуемое генетическими формами движения. Человек отягощен проклятьем материи, адом ее эволюции, тайна которой запечатана в генетическом коде и замурована, как чума в склепе, в каждой клетке его тела. Единое

---

¹ Псалом СХХІХ.

человечество рассечено на поколения – узкие пласты толщиной в человеческую жизнь, и непроницаемые пластины времени навсегда отрезают потомков от предков, любящих от любимых, учеников от учителей. Люди разделены безднами пространства, да и сама Земля затеряна на периферии пустынного архипелага бессмысленно мерцающих звезд, и вся Вселенная подобна дороге в город Градов: "Уныло гудели маломощные паровозы, готовясь к одолению скучных осенних пространств, полных редкой и убогой жизни."²

* * *

История – то, что с кем-то происходит. Историю кому-то рассказывают. His story. His-story. History. Господин N попал в хорошенькую историю. "Вот и вся моя история, милостивые государи!" Историю кто-то один рассказывает кому-то другому о ком-то третьем. Одним словом, история требует общества. История – социальный феномен.

Большинству носителей "здорового смысла" История видится не имеющей конца во времени, подобно тому как Вселенная – не имеющей пространственных границ. Последователи исторического материализма и Фрэнсиса Фукуямы, всяк со своей стороны, представляют Историю асимптотически успокаивающейся в некотором финальном состоянии, высшей и последней форме, где все станет благостно и нечего уже будет делать. Странники эсхатологических учений связывают с концом Истории вселенскую катастрофу и страшный суд.

Похоже, нас подстерегает неожиданное. Истории придет конец, а Деятельность пребудет. Деятельность объемлет Историю.

Отшельник, часами недвижно пребывающий в одной из асан, нащупывающий незримый путь к нирване – он действует, но эта таинственная внутренняя деятельность пребывает вне истории, невыразима в слове, независима от хода исторических часов.

Творческий акт поэта или изобретателя, политика или философа – есть ли дело более человеческое? Он вбрасывает новый материал в Историю, он ее движет, но сам является действием вне- и надысторическим.

* * *

Птолемей, размещая центр мироздания на Земле и развешивая Солнце, Луну и прочие планеты на вертушки циклов и эпициклов, пренебрежительно отводил основному содержанию Вселенной – со всеми ее галактиками, метагалактиками, квазарами и черными дырами – более чем скромное место на "сфере неподвижных звезд". В этом отношении Фукуяма поступает даже более радикально, деля мироздание на афинский либерально-демократический Акрополь и его второ- и третьесортные предместья.

Взгляд на исторический путь, проделанный человечеством, сквозь призму "таблицы" наводит на мысль, что слухи о конце Истории несколько преувеличены: заканчивается лишь первый из трех актов исторической драмы.

Но и по завершении исторических времен Человека ждут новые "времена", новые странствия во вселенной форм Деятельности. Впрочем, могут и не дожидаться.

* * *

По завершении Истории человек принимает в себя, – а значит, сбрасывает с себя, – все формы *zoopolitikon* и *toolmaking animal*. Общественное пространство между человеком и человеком оказывается абсолютно пустым, свободным от любых форм социального отчуждения. Трудно представить себе: сняты, исчезли любые формы производства, формы общения, формы сознания. Наступает великое молчание. Это больше, чем полное взаимопонимание, чем телепатия, чем любая форма духовного единства – речь идет об абсолютном тождестве каждого человека каждому другому человеку и Человеку вообще. Человек отныне и навеки, обретая Знание, теряет со-знание. Это обморок, летаргический сон, коллапс общества. Но не смерть Человека, – напротив, начало подлинной внутренней жизни.

Не стоит пытаться вообразить себе такое в нынешних кроманьонских формах телесности. Художественным образом, отвлекающим от бесплодных гаданий на эту тему, может послужить

---

² А.Платонов. Город Градов. Цитируется по памяти.

живой и мыслящий океан Солярис у Лема, или планета-сверхиндивид в повести Стругацких "Малыш". Близким и понятным прообразом – мудрец, практикующий дзенское "сидение", пустынный или аскет, восходящий по ступеням раджа-йоги.

Бессмысленно теребить его за плечо, требовать отчета, пытаться вовлечь в наши ущербные формы социальности. Когда окукливание таинственной личинки сверхцивилизации произошло, бессмысленно посылать ей радиосигналы, в которых закодирована теорема Пифагора, бомбардировать зондами, украшенными пластиной с изображением атома углерода.

Бытие Человека, сбросившего цепи социального отчуждения, бесконечно далеко от идиллии, грезившейся утопистам.

"Нельзя социально победить того основного трагического конфликта, что человек есть духовное существо, заключающее в себе устремленность к бесконечности и вечности и поставленное в ограниченные условия существования в этом мире. Страдания от смерти, страдания от любви, ... страдания от загадочности жизни, непонятности собственной судьбы, ... от страхов перед жизнью и смертью, от бессмысленных случаев, ... от меланхолического темперамента и мн. др. – неустранимы никаким социальным строем. Когда социальный вопрос будет решен и все люди поставлены в условия достойного существования, когда не будет страданий от необеспеченного положения, голода, холода, невежества, болезней, несправедливостей, тогда, именно тогда усилится чувство и сознание непреодолимого трагизма жизни, тогда не избранных только, а многих охватит духовная тоска." (Н. Бердяев)

Экзистенциальное "время" миров Дзен и социальное время Истории имеют разную природу и несопоставимы напрямую. Но если представить себе некую идеализированную абстракцию "человечества", плавно и безостановочно восходящего по лестнице форм деятельности, то по количеству и разнообразию форм-ступеней универсум миров Дзен эквивалентен всему универсуму исторических форм деятельности. Без преувеличения, Медитация содержит в себе целую Историю.

"Схлопыванием" исторического времени отмечено наступление эпохи Дзен, а конец ее – треском скорлупы сверхцивилизации, завершившей снятие экзистенциальных слоев самоотчуждения и обращаясь активность вовне. Масштабы этих надисторических катаклизмов таковы, что убогий арсенал аналогий с "личинками, куколками и бабочками" разумнее вовсе не извлекать на свет.

* * *

Наверное, русская мысль училась боготворить творчество у Шеллинга. Не ведаю (по темноте своей), читал ли Гоголь Шеллинга, но вот что говорит у него "живая душа" Костанжогло:

"Да для меня праздник, если плотник хорошо владеет топором; я два часа готов пред ним простоять; так веселит меня его работа... Потому, что все это – дело рук твоих; потому что видишь, как ты всему причина и творец всего, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыпется изобилие и добро на все. Да где вы найдете мне равное наслаждение?.. Да в целом мире не сыщете вы подобного наслажденья! *Здесь, именно здесь подражает богу человек: бог представил себе дело творенья, как высшее наслажденье, и требует от человека также, чтобы он был творцом благоденствия и стройного течения дел*".

Тема творчества – неотъемлемая, важнейшая сторона русской темы, русской мысли вообще. И она же – очень болезненная, не терпящая прикосновений мимоходом. Достаточно сравнить непосредственную реакцию Розанова на бердяевский "Смысл творчества" – с последующей, опосредованной. Или первое из писем Соловьева Николаю Федорову (изданных Радловым уже при большевиках) – с последним.

Поэтому в ходе безумного экскурсионного галопа ... оставим в стороне таинственный зал, где "творческое" соприкасается с "русским". Оставим – с надеждой вернуться.

***

Когда в 1986 году мы с В. Криворотовым впервые стали искать родовое имя для третьего универсума форм деятельности, выбор пал на ненаучное слово "чародейство".

Поздней осенью 1991 года на одно из заседаний клуба "Гуманус" Виктор Лега принес стопку книжек Дж. Р. Р. Толкина "Дерево и лист", изданных его кооперативом "Гнозис". В книжке

я обнаружил эссе "О волшебных историях", посвященное стране Фэери и ее обитателям, именуемым фэерис, или эльфами. Предчувствие встречного откровения возрастало по мере того, как с каждой страницей я убеждался, что Фэери не менее, а даже более реальна для автора, чем наш мир, именуемый "Первичным Миром". Наконец, дойдя до семидесятой страницы, я прочел:

"...Для обозначения особенного могущественного эльфийского мастерства я буду пользоваться словом "Чары" (за отсутствием менее спорного слова). Чары порождают Вторичный Мир, в который могут войти и создатель, и зритель..."

* * *

Что же может подсказать "таблица" форм о народе фэерис? Немало.

Фэерис бессмертны, – по меньшей мере, биологически. Ведь "симметричные" им бактерии и вирусы не умирают от старости, они лишь раздваиваются или штампуют собственные копии. Фэерис бесчисленны и разнообразны, – но все они являются лишь разными проявлениями единого целого. Арена их деятельности – Космос, Вселенная в целом, и погибнуть они могут только все до единого и одновременно, в какой-то космической сверхкатастрофе.

По мере восхождения по лестнице форм фэерис овладевают молекулярно-генетическим уровнем как своим предметом. "Генная инженерия", "генетическая память" – смутные намеки на ранние формы их активности. В конечном итоге доходит дело до овладения и снятия вещественности как таковой. Материя исчезает (как и предвидел Владимир Ильич, разоблачая проклятых эмпириомонистов). Точнее, от нее ненадолго остаются чистые формы времени и пространства. Овладевая ими, фэерис снимают последние барьеры отчуждения человечества от Бога.

Для фэерис нет нужды "перестраивать" наш Первичный Мир, копать в нем траншеи и подправлять ход времени: они свободно творят множественные Вторичные, Третичные и т.д. миры, повинувшись лишь одному закону: Абсолюту в ипостаси Прекрасного.

Обратимся к поискам следов фэерис в окружающей действительности по указанным трем азимутам.

1. Толкин прозрачно намекает, что страна Фэери – Опасный Край. Никому в Истории не удавалось и по понятным причинам не удастся доказать в суде, что он побывал в одном из укладов Фэери. Хотя свидетельскими показаниями о чудесах, чародеях, колдунах и оборотнях битком набиты исторические хроники. Ссылки на пресловутую "темноту" изобличают именно темноту. В последние десятилетия эльфов переименовали в гуманоидов, НЛО в изобилии оставляют вполне материальные следы на экранах локаторов, на кино- и видеопленке... Но только вопиющая самонадеянность людей XX столетия в сочетании с праздным любопытством подталкивает их к безнадежным (и опасным) попыткам изловить фэерис или "войти с ними в контакт".

2. О художественных отражениях Фэери Толкин сказал почти все необходимое. Фэери посвящено едва ли не большинство произведений искусства всех времен и народов. В нашем рационалистическом столетии часть соответствующей литературы выделилась в отдельную ветвь под названием "фантастики". Но литературные границы Фэери гораздо шире.

3. Универсуму форм деятельности Фэери в структуре личности отвечает уровень, получивший в последнее время название "трансперсонального". Это важнейший источник представлений о Фэери.

* * *

Представлениями о типологии и структурных уровнях личности я обязан вовсе не работе под названием "Смысл". Наоборот, они предшествовали ей в качестве одного из нескольких источников. В августе 1983 года на заветной нижеволжской протоке Сухой Герасим свои взгляды на сей счет развивал передо мной Криворотов. Загадочными таблицами и схемами, в которые мы пытались уловить ускользающую истину, были испещрены пустынные песчаные косы. Над нами носились встревоженные чайки, стрекотали спутники-шпионы и подолгу зависали НЛО.

В конце 1987 года, когда многие элементы "таблицы" форм просматривались вполне отчетливо и уже получали имена, ко мне в руки вполне случайно (как и всегда в подобных случаях) попал реферативный сборник с интригующим грифом "Для служебного пользования".

Один из обзоров сборника был посвящен "трансперсональной психологии". За ним последовал еще ИНИОНовский обзор, обобщающий работы по исследованию и применению "психоделиков". Оба названия ровным счетом ни о чем не говорили жителям предзакатного СССР...

Пожалуй, даже Леверье и Адамс после известного открытия планеты Нептун "на кончике пера" не испытывали подобного...

* * *

Помнится, во вступительных заметках содержалась угроза вернуться к дуализму "душа – тело". Так вот, сей мнимый дуализм христианской мысли – очередное порождение "фельетонистической эпохи" (по выражению Г. Гессе). Преподобный Антоний Великий говорил о *триаде: ум – душа – тело*. Каждый человек тремя своими сторонами обращен к трем слоям идеала. *Ум социален, это носитель со-знания. Душа экзистенциальна, ей свойственно откровение. Тело – трансперсонально, в нем скрыта тайна творчества*. Еще Диотима указала Сократу на прямую связь Эроса плотской любви с божественным творческим Эросом. И о том же – Розанов, иррациональный лик совокупного российского Платона:

"Человек имеет день в себе, в своей организации, в своих выявлениях: ну, торговать, конечно, нужно днем – не просчитаешься; но придумывать рифмы – ночью, иначе ошибешься. На биржу мы спешим утром, но замечательно – в храм идем или ко "всенощной", или к "утрене", т.е. или перед полночью, или сейчас за полночью; в обоих случаях по темным еще улицам и до восхода солнца. Пол – это начинающаяся ночь в самой организации человека: в том смысле, что ясно анатомическое и сухо анатомическое его расчленение теряет здесь ясность, сухость и вместе рациональность свою. Все, приближаясь сюда, становится *трансцендентно*, т.е. не только окружено это трансцендентными по необъяснимости своей бурями, "огнем поедающим", но и вообще как-то переливается в значительности своей за край только анатомических терминов. Это – второе темное лицо в человеке, и, собственно, оно есть ноуменальное в нем лицо: от этого – *творческое не по отношению к идеям, но к самым вещам*, "клубящее" из себя "жизнь"; но оно так густо застлано от наших глаз туманом, что в общем никогда его не удавалось рассмотреть".

Но есть еще нечто в человеке, что глубже всех подсознательных глубин, выше всех трансперсональных высот, чего не поможет открыть никакая доза ЛСД. Но это есть.

Сказано в Писании: "Царство Божие – внутри вас".

* * *

Попробуем понять, что имеется в виду, когда говорят об эсхатологическом "Конце времен". Как удалось выяснить, с концом Истории время не останавливается, оно переходит из социальной формы в экзистенциальную, а затем – в трансперсональную. Это утверждение оставалось бы философской абстракцией, если бы, по счастью, не имело опоры в личностном опыте каждого. Поэтому можно говорить о трех различных формах человеческого времени, из которых собственно со-знанию доступна лишь первая. Социальное время то тянется в мучительно медленном ожидании, то несетя вскачь, переполняясь событиями. Время откровения ортогонально историческому опыту, его повседневная проекция равна нулю: из опрокинутого сосуда не пролилось ни капли, покуда Мухаммед успел объехать весь Рай. И наконец, взгляд из космического времени творца: "Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?"

Однако структура "таблицы" наталкивает на мысль о возможности естественного обобщения представлений о времени. Усматривается три фундаментально различных типа времени: время движения (природное? физическое?), время деятельности (собственно человеческое) и "время" развития – потустороннее, Божественное время.

Физическое время ушло в основание нашего личностного опыта, оно не переживается непосредственно. Мы умеем лишь наблюдать и измерять его, фэерис – изменять. Божественное время трансцендентно для человека. Оно едва просвечивает сквозь мутное стекло идеалов "прогресса".

Соответственно, можно говорить о трех особых точках "таблицы" форм, интерпретируемых как конец одного типа "времени" и, соответственно, начало иного.

* * *

Представим себе для наглядности "время" как поток, изливающийся из будущего в прошлое, из космологической "черной дыры" – в "белую", и текущий вдоль осевой линии форм деятельности и форм движения, линии "нисхождения".

Тогда можно усмотреть три типа взаимоотношений человека со временем:

1. Мы оставили попытки плыть против течения, отдали себя ему во власть. Время замедлилось, а затем и остановилось для нас. Мы движемся вместе с его потоком, к упрощению, распаду высших форм, нас сносит в прошлое, от человеческих времен – к природным. Смерть.

2. Мы вцепились в одну из форм, зависли, встали на якорь в потоке времени. Наш корабль превратился в дебаркадер, временную пристань. Воспроизводство формы деятельности, типа культуры. Жизнь.

3. Мы прошли против потока времени, навстречу ему, до его истока, погрузились в этот волшебный ключ. Бессмертие.

Человек бесконечно бьется о "мутное стекло" объективации, потому что он, как мотылек, летит навстречу божественному свету Благодати. И однажды, в свой черед, поддаются последние бастионы отчуждения. Рушатся перегородки времени и пространства, разделяющие поколения и цивилизации. Творческое, воскрешающее усилие человека встречается с Божественным Воскресением.

Но это не пророчество, не предсказание – лишь возможность. "Таблицу" форм можно представлять себе как грандиозное многоэтажное здание, в котором известное нам человечество пока копошится в нескольких комнатах первых этажей, и чем выше, тем реже встречаются небольшие группы людей и отдельные личности – аскеты и творцы. Восхождение – нисхождение по лестнице форм означает заполнение новых комнат и залов или же их оставление, отступление с уже достигнутой высоты. На этом пути нет пустот, бесформенных, непроходимых провалов. Человечеству дана возможность такого восхождения. Ему дарована свобода выбора. Но не более того.

Когда Николай Федоров пишет об "условности апокалипсических пророчеств", он имеет в виду, что Человечество обязано и способно само совершить подъем к вершине воскрешения/Воскресения. Тем самым (по Федорову) оно выполняет свой долг перед Творцом, и в этом случае Страшный Суд не наступает. Если же на каком-то из этапов возникает срыв в восхождении Человечества – тогда пророчества Апокалипсиса вступают в силу.

Это можно пояснить и по-иному. Человечество, как и отдельный человек, проходит цепочку разновозрастных состояний. Все знают, что существуют качественно различные этапы: младенчество, детство, юность, молодость, расцвет, зрелость, пожилой возраст и старость. Но жизнь каждого отдельного человека может оборваться, порой внезапно, на любой из этих ступенек. Человечество как целое известно нам "в единственном экземпляре". Чему соответствует переживаемый нами исторический период? Фукуяма утверждает, что мы достигли границы благополучной старости. "Таблица" форм подсказывает, что завершается лишь раннее детство. В этом, может быть, и состоит ее главная сегодняшняя роль: из осколков, зародышей, намеков и прозрений, которыми насыщен культурный космос, сложить целостную картину возможных "возрастов" человека и Человечества.

Аналогия нуждается в существенном уточнении. Этапы восхождения (личностного и всечеловеческого) связаны не с биосоциальным возрастом, а с прохождением, овладением соответствующими формами деятельности. Каждый отдельный человек как общественно-природное существо соединяет в себе два разнонаправленных процесса воскрешения-умирания. Теоретически для него мыслима (хотя и трудно представима) возможность в одиночку пройти весь путь, предстоящий Человечеству, овладеть всеми формами деятельности Человека Социального, Дзена и Фэри, и достичь точки воскрешения/Воскресения, пока в его отчужденном природном естестве не догорит бикфордов шнур. Достигнув этой точки, он избежал бы известной нам формы смерти и получил возможность войти в Богочеловечество. Однако длины своего бикфордова шнура он не знает.

Но и человечество в целом тоже, по-видимому, не имеет гарантий бессмертия. Хотя в его совокупном опыте отсутствует детальная картина внезапной и окончательной смерти всей цивилизации, такое вполне представимо. До последнего времени, например, совершенно реальной была гибель от столкновения Земли с крупным астероидом. Многозначительный намек содержит

эпидемия СПИДа. Что же тогда? Одну из немногих опор для угадывания ответа дает образный строй Апокалипсиса: пришествие Антихриста, Армагеддон, Страшный Суд, Ад и Рай...

В художественных образах Ада просматривается абстракция дочеловеческой Природы – мрак богооставленности, куда не проникают трансцендентные лучи Божественной благодати:

*Лодейников прислушался: над садом
Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшись адом,
Свои дела вершила без затей.
Жук ел траву. Жука клевала птица.
Хорек пил мозг из птичьей головы.
И страхом перекошенные лица
Ночных существ глядели из травы.
Природы вековечная давящая
Соединяла смерть и бытие
В один клубок. Но мысль была бессильна
Соединить два таинства ее.*

Природа до человека – пантеистический рай. Бог имманентен дочеловеческой природе. Он разлит в ней, как Чапековский Абсолют.

И однако природа для человека – ад. Все твари изгнаны из рая вместе с человеком. Человек для природы – мучитель, первопричина отпадения от Бога. И в нем же – надежда на возврат.

А как можно интерпретировать универсум форм деятельности, ушедших в основание Божественного развития? Мир человека, имманентный миру гегелевского Бога? Одним из главных узлов дискуссии в русской философии "серебряного века" была идея Богочеловечества. Как и всякая новая философская идея она, естественно, критикуема путем указания на ее внутреннюю противоречивость или возможность редукции к другим известным идеям. Но "таблица" подсказывает, что соответствующий универсум форм, подлежащих заполнению, существует, не сводим к иным и ждет своей интерпретации.

Начав с интерпретаций, мы постепенно соскользнули на аналогии и теперь скатились к догадкам. Случайному читателю они не помогут, а Подлинный – в них не нуждается.

* * *

Автору этих роковых строк вовсе не хочется прослыть ретроградом, получить поношенный ярлык "сомневающегося во всеилии разума", в тысячу первый раз обсуждать с энтузиастами "парадокс лжеца" и т.п. В конце концов, ведь говорю же я обо всех этих "материях" (и если бы только) на нормальном человеческом языке, и при этом надеюсь на понимание – пусть даже не здесь и не сейчас! Стихотворение "Сократ" написано на русском языке и является таким же несомненным фактом культуры, как закон Бойля-Мариотта, таблица Менделеева или сорт пшеницы Безостая – 1:

*Дано и вам, мою цикуту пьющим,
Пригубить немоту и глухоту...*

Но никому не приходит в голову выяснять, какой это "системный класс". Дело не в запретности таких вопросов, а в глупости. Нет сомнений в том, что нельзя лететь быстрее скорости света. Как и нет сомнений в способности фэерис свободно попадать в любую точку пространства Первичного Мира в любое время.

*Не успевая ни задуматься, ни оглядеться, пересекаем мы рубеж, за которым –
неудержимое соскальзывание в нечто, фатальное в своей неизвестности.
Всем великим переломам в жизни народов предшествовали периоды глубинной работы
духа. До французской революции была французская энциклопедия. Троичную русскую
трагедию начала века напорочили три незабвенных поколения ее идейных творцов.*

Нынешний перелом надвигается в стране, которая являет собою духовную и интеллектуальную пустыню.

Казалось бы, во время, названное судьбоносным, сама музыка социальных сфер должна настраивать на эпический лад. Привычно верить, что потрясения и перевороты социального бытия непременно сопровождаются откровениями, бурями и щедротами творящей души. Неужели же это не более чем миф? Откуда эта кричащая несоразмерность между тектоническим разломом времен, когда дело идет о жизни и смерти Отечества, – и рыночной перебранкой посетивших сей мир в его минуты роковые? Кто мы, откуда, куда идем? Будет ли жив недоношенный плод истерзанного лона России? Нет ответа. Культура безмолвствует, тая в самой сердцевине какое-то проклятье роковое, парализующий ее скрытый надлом.

Ночное море все в кровавых отсветах глубоких зарниц, исчерчено тяжкими двойными змеями горизонтальных молний... Но вместо громовых раскатов – всезаглушающее суетливое хлюпанье зыби, что с безнадежным опозданием несет издали отголоски отшумевших бурь и штормов.

Рассказывают, что один чудака из патриотических побуждений преподнес революционному Конвенту превосходно выполненный макет центра Парижа. Работа стоила ему долгих дней и ночей кропотливого труда. Еще несколько месяцев спустя бессонный Конвент в разделе "Разное" добрался и до вопроса "О даре гражданина имярек". Рассмотрев его в установленном порядке, Конвент постановил: дарителя – выпороть, ибо в момент, когда республика в опасности, он тратит свое и чужое время на безделушки. Предметно и сурово, как-то не по-французски, почти по Петру...

Всех их ждала гильотина. Всмотревшись в макет, можно было увидеть Гревскую площадь, разглядеть те позиции, на которых молодой генерал Буонапарте в свой звездный час расставит пушки для стрельбы по роялистам, отыскать улицы, по которым двадцать лет спустя пройдут русские казаки.

Собственно, речь о смысле жизни, о судьбе и о сочетании того и другого.

БЕССУБЪЕКТНОЕ

Вот. Скромно потупясь. Прими, стало быть, Отечество от преданного, значит, гражданина. И ножкой эдак шаркнуть. От избытка.

Смысл-с. Того-с.

А Отечество?

Громоздко привстав... Пиджак на одну пуговицу... Очки вздевши на брови... Заглядывает. И... Чего-о? Эх, мать честная!

... !

... !!

... "т-р-а-н-с-ц-е-н-д-е-н-т-н-о" ...

... !!!

Гражданин, вы того, освободите!

Да... Вот тебе, бабуля, и ваучер. Нехорошо вышло.

- Мы ж вас предупреждали. Оно сегодня не в духе.

- А когда Оно в Духе?

- А почитай что никогда. Ишь как разбушевалось! Вам-то уходить, а нам-то оставаться.

Идите, идите...

Пожалуй, и впрямь – побредем помаленьку. Вон еще один идет, бедолага.

- Ты чего?

- Отечество спасать. А ты чего?

- И я туда же. Вот: "Смысл".

- А-а... Ну-ну. А я вот таблетки Ему изобрел. От головы.

- И что? Не пробирает?

- Да все голову ищу. И – никак. Люди сказывают, вовсе ее нету. То ли бусурманы оторвали, то ли так и было.

- Я-то вроде видел. Такое... В очках.

- Да то не голова!

- А что?

- А ты подумай. Припомни.

- ....?

- ....!

- Плохи, брат, наши дела...

- Сам хорош! Ну, куда ты Ему суешь свои бумажки! Смысла разве головой ищут? Душой! А Оно у нас душевное. Вон как разлеглось – меж трех окоянов. И душ за ним миллионов триста будет. Имение! Приказчики, жаль, жулье.

- Ну, а куда ж Ему ...?

- Что ты, право: тык да тык! Душа отверстий не имеет. Тут надо – любя.

*Иди ж с надеждою веселой,
Творец тебя благослови,
На подвиг долгий и тяжельй
Всезабывающей любви.*

28 апреля 1992 г. – 4 марта 1993 г